

СТУДІЯ

№ 19.

11-го Феврала.

1912 г.

МИЛЫЕ, НѢЖНЫЕ...

Сейчасъ, когда я пишу это—сумерки.

Широкимъ шатромъ раскинулась сѣрая туча, — тяжелая, свинцовая.

Вдали, въ узкую, затканную сизымъ пологомъ разсѣлину льется матовый пурпуръ заката.

Крыши пухло устланы, отсвѣчивающимъ лиловыми тонами, снѣгомъ и изъ трубъ выются сѣровато-черные дымки, ткуть причудливые образы и таютъ.

Ни пышныхъ красокъ. Ни яркихъ звуковъ. Тихо. И сердце сладостно щемить. И душѣ уютно больно.

Левитановскія сумерки...

Исаакъ Ильичъ былъ Чеховымъ кисти.

Чеховъ — Левитаномъ пера.

И, если присоединить къ нимъ Чайковского, то получится кристаллъ, художественная, литературная и му-

зыкальная грани которого наиболее полно отразить, я сказал бы, *das ewig Slawische*.

То, что так обаятельно свѣтитъ „среди долины ровныя“.

И что Тютчевъ, этотъ незаслуженно-забытый поэтъ-философъ, тонко назвалъ „возвышенной стыдливостью страданья“.

Мнѣ скажутъ:

— Въ Исаакъ Ильичъ запечатлѣлась вѣковая скорбь его племени!

Да, но она дружески протянула руку славянской грусти и слезы ихъ такъ смѣшались, что послѣ ужъ нельзя было распознать, гдѣ начинаются однѣ и кончаются другія, и кто въ Левитанѣ, какъ ребенокъ, любовался вечерней службой въ деревенской церковкѣ—іудей или христіанинъ.

Мнѣ кажется, что если бы въ одинъ прекрасный день оказалось возможнымъ перемѣнить функции слухового и зрительнаго нервовъ такъ, чтобы можно было услышать пейзажъ Левитана, то это была бы IV симфонія Чайковского съ ея основной темой „Во полѣ березка стояла“...

А если бы можно было увидѣть новеллу Чехова, то это былъ бы „Вечеръ“ Левитана...

Когда Антонъ Павловичъ показалъ свою „Невѣсту“, которая мужественно воскликнула: „Главное, — это перевернуть жизнь, а все остальное неважно!“ читатель подумалъ:

— Вотъ она, бодрость!

То же самое сказалъ Чеховъ Исааку Ильичу, увидѣвъ, написанный имъ на Плесѣ, полотна:

— Знаешь, на твоихъ картинахъ даже появилась улыбка!

Но и тамъ, и тутъ—это было мимолетно.

Жившій—въ бытность свою студентомъ—въ семьѣ Чеховыхъ, нынѣ врачъ, Коробовъ, которому я обязанъ нѣсколькими прекрасными часами его воспоминаній объ Антонѣ Павловичѣ, рассказывалъ мнѣ о маскарадахъ и пирушкахъ, устраивавшихся тогда „Антошей Чехонте“.

На этихъ вечеринкахъ бывалъ и товарищъ Николай Чехова по „Школѣ живописи, ваянія и зодчества“—Левитанъ.

Было зелено. Было молодо. Было весело.

Какъ и потомъ, въ 1886 году, когда Антонъ Павловичъ звалъ архитектора Шехтеля изъ душевной Москвы въ Бабкино:

„Бросьте вы вашу архитектуру! Вы намъ ужасно нужны. Дѣло въ томъ, что мы собираемся судить по всѣмъ правиламъ юриспруденціи, съ прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемого: а) въ уклоненіи отъ воинской повинности, в) въ тайномъ винокурении (Николай пьетъ, очевидно, у него, ибо больше пить негдѣ), с) въ содержаніи тайной кассы ссудъ, d) въ безнравственности. Приготовьте рѣчь въ качествѣ гражданскаго истца“.

По словамъ Маріи Павловны Чеховой, Николай, въ роли свидѣтеля, импровизировалъ невѣроятнѣйшія показанія. Другой братъ покойнаго писателя, Александръ, защищалъ обвиняемого съ такимъ пафосомъ, что всѣ покатывались со смѣху. Исаакъ Ильичъ не отставалъ и па-

рировалъ обвиненіе съ остроуміемъ, вызывавшимъ гоме-рической хохотъ. А прокуроръ, Антонъ Павловичъ, за-гримировавшись ужаснымъ злодѣемъ, громилъ его и произносилъ такіе рѣчи, что засѣданіе прерывалось и превращалось на нѣкоторое время въ настоящій сумасшедшій домъ.

Но преобладавшимъ настроеніемъ Левитана была глубокая тоска.

Его письма къ Чехову безпросвѣтны:

„Тоскую я несказанно, тоскую до чорта“.

.....

„Господи, когда же не будетъ у меня разлада? Когда я стану жить въ ладу съ самимъ собою?“

.....

„Вновь я захандрилъ и захандрилъ безъ мѣры и границъ, захандрилъ до одури и ужаса. Если бы ты зналъ, какъ скверно у меня на душѣ. Что дѣлать?“

Ничто не могло его разсѣять. Онъ метался изъ стороны въ сторону и всюду разочаровывался:

„Видишь, дорогой Антонъ Павловичъ, куда занесла меня нелегкая. Вотъ уже 3 недѣли, какъ шляюсь по этой Чухляндіи, мѣняя мѣста въ поискахъ за сильными мотивами, и въ результатѣ — ничего, кромѣ тоски въ клубѣ“.

.....

„Ждать я Волги, какъ источника сильныхъ художественныхъ впечатлѣній, а взаменъ этого она показала мнѣ настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце и мелкнула мысль, не уѣхать ли обратно?“

Даже изъ солнечнаго Крыма, Исаакъ Ильичъ возвращался съ элегіями: хмурые небеса, убогая деревушка, кладбище...

Помимо неудовлетворенности собой, и въ личной жизни Левитана было не мало такого, что могло бы обусловить собой эту меланхолію, но объяснить ее однимъ этимъ, хотя бы и сочетаннымъ, факторомъ нельзя.

Чеховъ видѣлъ въ припадкахъ тоски у художника нѣчто больное, не приходящее извне, а поднимающееся изнутри человѣка.

Однажды братья Чеховы нашли Исаака Ильича въ его курной избушкѣ, въ Максимовкѣ, валяющимся на соломѣ въ такомъ мрачномъ состояніи, что ничего отъ него не добились, а хозяева, на разспросы, шопотомъ рассказали имъ, что въ этотъ день Левитанъ стрѣлялся изъ ружья.

Можетъ быть, и было „нѣчто больное“.

Исаакъ Ильичъ въ свое время перенесъ тифъ, тронувший его сердце...

Но, Боже мой, помните „Чернаго монаха“:

— Если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо.

Въ 1897 году Левитанъ, взбираясь на гору въ Крыму, сказалъ своему спутнику:

— Какъ не хочется умирать! Какъ страшно умирать, и какъ болитъ сердце...

Вскорѣ Чеховъ написалъ:

„Я выслушивалъ Левитана: дѣло плохо. Сердце у него не стучитъ, а дуется; вмѣсто звука тукъ-тукъ слышится пф-тукъ“.

Еще немного и оно замерло.

И схоронили его у насъ на Дорогомиловскомъ кладбищѣ.

А нѣсколько позже не стало и того, кто „выслушивалъ Левитана“.

И вотъ, сейчасъ, въ зимнія сумерки, когда широкимъ шатромъ раскинулась сѣрая туча, — тяжелая, свинцовая, и вдали, въ узкую, затканную сизымъ пологомъ разсѣлину льется матовый пурпуръ заката, я вспомнилъ о нашихъ милыхъ, нѣжныхъ художникѣ и писателѣ.

Мы говоримъ:

— Они умерли.

А Трофимовъ въ „Вишневомъ салѣ“ недоумѣваетъ:

— Что значитъ, умрешь? Можетъ быть, у человѣка сто чувствъ и съ его смертью умираютъ только пять извѣстныхъ намъ, а остальные девяносто пять остаются живы!

Можетъ быть.

Ф. Мускатблитель.